

**АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О «РАСПРОСТРАНЕНИИ ДЕМОКРАТИИ»:
ЦЕЛЬ И СРЕДСТВО ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США 1980–1990-х гг.**

© 2018 С. Н. Белевцева

*доцент кафедры всеобщей истории;
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: SNBelevtseva@yandex.ru*

Курский государственный университет

В статье проанализирована позиция американских учёных по вопросу «распространения демократии» в другие страны в 1980-х – 1990-х гг. Подняты проблемные вопросы по данной теме, включая оказание экономической и финансовой помощи, использование вооруженных сил, согласованность действий ветвей власти США.

Ключевые слова: темпы «распространения демократии»; волны демократизации; региональные конфликты; национальная безопасность; внешняя политика США.

Американская историография вопроса «распространения демократии» складывается как из чисто теоретических вопросов, так и разработок прикладного характера, направленных как на разъяснение тех или иных шагов США на мировой арене, так и на стимулирование американских политиков к новым действиям. В связи с тем, что в международной деятельности США принципы и методы продвижения демократии далеко не всегда являются демократическими, термин «распространение демократии» вводится в кавычках.

Спектр вопросов, рассматриваемых в статье, включает оценку состояния демократии и проблемные вопросы по её распространению в последние два десятилетия XX в.

Оценка процесса демократизации в 1980–1990 гг.

Видный американский социолог и политолог Самюэль Хантингтон справедливо отмечал, что «политические системы с демократическими характеристиками не являются исключительно приметой нашего времени» [Хантингтон 2003: 23], а имеют глубокие исторические традиции, отсылающие нас ещё к выборности племенами своих вождей. Вместе с тем, Хантингтон обосновывает волнообразный процесс демократизации на исторических фактах конца XIX – XX вв. и даёт следующее определение этого процесса: «Волна демократизации – это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период» [Там же]. По Хантингтону, к демократическим формам государственного устройства рано или поздно придут все страны мира. А вот вопросами о том, каким будет этот путь и возможно ли влиять на время и скорость перехода тех или иных государств к демократии, задаются многие учёные по всему миру. Американская наука в этих вопросах явно лидирует.

Говоря о положительных примерах внедрения демократии в странах мира, Ларри Джей Даймонд, профессор социологии и политологии, один из ведущих американских экспертов по демократии, указывает на удачное применение давления на государство, получавшие американскую помощь, в период деятельности

администрации Р. Рейгана. «Во времена Рейгана дипломатическое и экономическое давление США и его символическая поддержка прав человека и мирных демократических перемен в конечном счёте способствовали демократическим преобразованиям в Чили и Южной Корее, а также... предотвращению военных переворотов в Сальвадоре, Гондурасе и Боливии в начале 1980-х и в Перу в январе 1989», – указывает Ларри Даймонд в своём исследовании «Содействие демократии в 90-е годы: субъекты и инструменты, проблемы и императивы: Доклад Комиссии Карнеги по предотвращению смертоносных конфликтов», выполненном в 1995 г. [Diamond].

Анализируя процесс возникновения демократий, Шери Берман, доцент политологии Барнардского колледжа Колумбийского университета, в своей статье «Как возникают демократии: уроки Европы» констатирует, что в конце XX века скептическое отношение к ценностям демократии сменилось дискуссиями, которые «касаются не желательности [демократии], а того, как её продвигать и лелеять» [Berman 2007: 28]. Иными словами, все иные, не демократические, формы правления признавались бесперспективными и должны были подлежать замене. При этом возникло противоборство в оценке подходов к продвижению демократии. Шери Берман указывает на возникновение двух основных лагерей противоборствующих сторон: сторонников наличия предпосылок, так называемых «предкондиционистов», и «универсалистов». «Первые полагают, что демократия, как правило, вытекает из определенного набора условий и опыта, в то время как вторые утверждают, что она может возникать при всевозможных способах и установках» [Там же].

Используя градацию С. Хантингтона о волнах демократизации, Ш. Берман отмечает, что третья волна демократизации (1974–1991 гг.) «дала мощный толчок универсалистскому взгляду, поскольку переход от авторитарного к демократическому правлению произошёл в десятках стран, в том числе во многих странах, которые предкондиционисты не сочли бы созревшими для такого шага» [Там же: 29]. При этом не только вопрос о необходимости демократии, но и вопрос о способах её достижения в научных разработках отошёл на второй план. «В результате наука стала уделять меньше внимания структурам, предположительно связанным с успешной демократией, и больше внимания процессу демократических преобразований» [Там же].

Исследование «извилистых путей к демократии» позволило Шери Берман прийти к следующим выводам. Во первых, «...жестко очерченные версии как предварительно подготовленных, так и универсалистских перспектив ошибочны. Демократия развивалась различными путями и с учётом различных местных условий по всей Западной Европе. Но этот процесс никогда не был легким, мирным или каким-то простым, поэтапным развитием» [Berman 2007: 37]. Во-вторых, «идея о том, что постепенный, либеральный путь к демократии существует и что имеет смысл переубеждать страны, которые не следуют по пути демократизации – это химера, основанная на неправильном прочтении или неправильном толковании истории» [Там же: 38].

Проблемы «распространения демократии»

К моменту написания своей работы для Комиссии Карнеги по предотвращению смертоносных конфликтов (Фонд Карнеги) Ларри Даймонд уже был основателем-директором Международного Форума демократических исследований (IFDS), образованного в рамках Национального Фонда Демократии (НФД), и основателем-редактором издаваемого в рамках НФД академического журнала «Journal of Democasy». Не удивительно, что работа «Содействие демократии в 90-е годы...»

пронизана конкретными фактами по «распространению демократии» и здоровым практицизмом суждений.

Политику США по продвижению демократии в середине 1990-х гг. профессор Даймонд характеризует следующим образом: «Теперь, когда мир является более нестабильным и политически изменчивым, ...когда глобальное лидерство и видение наиболее востребованы, внешняя политика США дрейфует от кризиса к кризису, лишившись четкой доктрины и двухпартийного консенсуса, который лежал в основе глобального лидерства страны в предыдущие эпохи. Теперь, когда растут новые угрозы и хаос маячит на многих фронтах, правительство США погрязло в долгах, его внешние операции резко сокращаются, растет сомнение как внутри страны, так и за рубежом в том, что Соединенные Штаты имеют какую либо цель в мире, выходящую за рамки продвижения своих собственных интересов» [Diamond].

В своей работе профессор Даймонд упоминает об известной «истине» о миссионерской традиции Америки по продвижению демократии в другие страны. Он указывает, что в последние десятилетия поддержка «распространению демократии» по всему миру возрастала, но пик этого процесса приходился примерно на 1990 г., а к 1995 г. этот пик пройден.

Подъем процесса демократизации в мире на рубеже 1980-х – 1990-х гг. отмечает и Шерри Берман. Её исследование показывает, что результатом этого подъёма «стало появление различных организаций, конкретно занимающихся поощрением и поддержкой демократии. Западные правительственные и неправительственные организации направляли всё больше и больше финансовых средств, поднимаясь на миллиарды долларов в год, на широкий спектр целей по всему миру» [Berman 2007: 29].

По мнению Ш. Берман, «новый взгляд на демократизацию... привёл к соответствующему участию в продвижении демократии в качестве внешнеполитического вопроса» [Там же]. Поскольку демократизация продвигалась в основном под действием политических факторов и учитывая нестабильность политических и социальных сил во многих новых демократических странах и странах с переходной экономикой, появилась необходимость и возможность влиять на ход их политического развития.

Вместе с тем Берман, так же как и Даймонд, отмечает, что к концу 1990-х гг. темпы «распространения демократии» по миру снизились, а в некоторых случаях возникали и откаты от демократических принципов развития. В этих условиях, для стимулирования процесса «распространения демократии», «администрация Клинтона сделала продвижение демократии одним из основных пунктов своей повестки дня» [Там же]. «Распространение демократии» стало не просто стратегией, а надёжным прикрытием и оправданием любых действий США на международной арене.

Экономическая и финансовая помощь в развитии демократий

В своей работе профессор Даймонд также указывает на то, что помощь в развитии демократии в других странах не может быть разовой или эпизодической. В большинстве случаев этот путь длиннее, чем кажется первоначально. А ограничения в помощи по развитию демократии могут привести к откату этого процесса. Кроме того, профессор Даймонд обращает внимание тех, кто спонсирует демократические преобразования, на необходимость соблюдения определённой гибкости, дифференцированности и дальновидности, так как результаты преобразования могут быть неполными или вообще поверхностными. А вместо ожидаемого дружественного партнёра по демократическому лагерю можно получить режим полудемократический, околodemократический или просто прикрывающийся демократическими лозунгами.

Однако отказываться от идеи продвижения демократических ценностей и образа жизни и в этих случаях, по мнению Ларри Даймонда, не следует. Следует искать варианты воздействия на государства, находящиеся в переходном состоянии. «Такой аналитический и стратегический подход предполагает иное и более комплексное сочетание программ продвижения демократии», – считает профессор Даймонд.

В своей работе Ларри Даймонд большое внимание уделяет механизмам оказания помощи государствам, переходящим к демократии и свободному рынку. Он достаточно скрупулёзно разбирает деятельность различных правительственных и неправительственных акторов, таких как Агентство США по международному развитию (АМР США – USAID); Национальный Фонд Демократии (НФЛ); Фонд Азии; Фонд «Евразия», учреждённый в 1993 г. специально для поддержки реформ в государствах бывшего Советского Союза; Фондов Карнеги, Маккартура, Форда, Сороса и других. Но при этом профессор высказывает серьёзное беспокойство следующего свойства: «К сожалению, ирония заключается в том, что в момент беспрецедентного демократического брожения и неопределённости в мире, а также после десятилетия, в течение которого международные организации по оказанию помощи в области демократии часто демонстрировали замечательную экономическую эффективность, американские организации, которые прокладывали путь по продвижению демократии в 1980-х и начале 1990-х годов оказались в опасности». Опасность эта заключается в снижении внимания к деятельности организаций, «распространяющих демократию», и, главное, в недофинансировании соответствующих государственных и полугосударственных фондов.

Недостаточное внимание механизмам и акторам по продвижению демократии Ларри Даймонд разбирает на примерах и считает, что государства-доноры обязаны строже спрашивать с государств – получателей помощи: обставлять оказание помощи необходимыми условиями, вводить, при необходимости, санкции, оказывать дипломатическое давление. Даймонд считает, что «дипломатическое давление или условия оказания помощи требуют реальных рычагов воздействия для достижения успеха». При этом профессор Даймонд считает необходимым в каждом конкретном случае «...оценить, чтобы политическая стоимость условий не была слишком велика, когда рычаги в собственном распоряжении ничтожны» [Diamond].

О длительности процесса становления демократии в восточноевропейских странах указывала в своём исследовании Шерри Берман. Говоря о том, что многие молодые демократии оказываются слабыми, неэффективными, нелиберальными, она не делала из этого трагедии. А напротив, считала подобные трудности неизбежными, но ведущими в нужном направлении. Сравнивая становление демократии в восточноевропейских государствах с зарождением демократии во Франции, она, в частности, писала: «Если Франции – родине современной европейской демократии – потребовалось более 150 лет и значительное количество насилия для достижения набора стабильных и успешных демократических институтов, то почему демократия должна консолидироваться во многих других частях мира всего за несколько лет? Как и во Франции и в других частях Западной Европы, такие неудачные эксперименты вполне могут оказаться решающими элементами долгосрочных процессов, связанных с культурным обучением и институциональным строительством, процессов, которые в конечном итоге позволят демократическому управлению зародиться и процветать» [Berman 2007: 39].

В середине 1990-х гг. Соединенные Штаты столкнулись с необходимостью включения режима экономии в своих международных проектах. Однако Ларри Даймонд считает ошибочным поиск вариантов экономии средств на направлении продвижения демократии. Приводя данные о том, что расходы на поддержание и

защиту прав человека с 1990 по 1995 г. и без того уменьшились на 20%, он убежденно доказывает, что появившиеся предложения по реорганизации и оптимизации международных расходов путём слияния или ликвидации некоторых агентств на самом деле не к экономии ведут, а подрывают национальную безопасность США. «Было бы трагически недальновидно аннулировать в один момент с таким трудом достигнутый успех, после многих лет сотрудничества и инноваций», – пишет профессор. И для убедительности сравнивает отрицание расходов на продвижение демократии с существующим недоверием к профилактической медицине, говоря, что «пройдёт, может быть, много лет, прежде чем мы осознаем полную меру того, что мы потеряли» [Diamond].

То, что путь к демократическому обществу связан со значительными трудностями, признавали многие ученые США, равно как и другие представители американского истеблишмента. В частности, профессор и руководитель кафедры российских и восточноевропейских исследований университета Пенсильвании Митчелл Оренштайн, совместно с бывшим послом США в Чехословакии и Чехии (1992–1995) Адрианом Басора, указывали на проблемы «распространения демократии», с которыми пришлось столкнуться Соединенным Штатам на исходе XX в. Они, в частности, отмечали, что даже в успешной Европе страны, вставшие на путь демократических преобразований, нуждаются в постоянной поддержке. По их мнению, «долгосрочная приверженность к поддержке демократии имеет жизненно важное значение для закрепления успехов политики США в этом регионе» [Basora, Orenstein].

При этом авторы, опираясь на исторический опыт американской поддержки отдельных демократических лидеров, в частности Б.Н. Ельцина в России, приходят к выводу об ошибочности ставки на личностей, а не на демократические программы и процессы. В своей статье для сайта Foreign Policy Research Institute они отмечают: ««Возможно, самая большая наша ошибка в вопросе предоставления помощи развивающимся демократиям посткоммунистического региона после 1989 года, – направление поддержки отдельным “демократам”, а не процессам и институтам, которые имеют важное значение для закрепления демократии в долгосрочной перспективе» [Там же].

О согласованности действий ветвей власти США по продвижению демократии

Исследуя опыт применения рычагов воздействия на страны – получатели американской помощи, Ларри Даймонд приводит неожиданный пример применения администрацией Б. Клинтона таких рычагов в отношении... своего Конгресса. Даймонд утверждает, что «администрация Клинтона правильно оценила в 1994 году, что Китай не уступит американским условиям в области прав человека для продления торгового статуса “наиболее благоприятствуемой нации”, который для него был введен в одностороннем порядке» [Diamond]. Этот пример от профессора Даймонда следует расценивать как призыв к гибкости, обращенный, в основном, к Конгрессу США.

И вообще, профессор Ларри Даймонд считает: «Одним из величайших препятствий для эффективного осуществления американской дипломатии и содействия развитию демократии является несогласованность действий различных политических центров между собой и в их обращении с различными режимами». По мнению профессора, это касается традиционного соперничества между Белым домом и Конгрессом, среди государственных и оборонных ведомств, между Советом национальной безопасности и спецслужбами и пр. Вместе с тем он отмечает и положительные шаги, сделанные, к примеру, администрацией Б. Клинтона. В частности: «Создание администрацией Клинтона Межведомственной рабочей группы

по вопросам демократии под руководством помощника госсекретаря по вопросам демократии, прав человека и труда является положительным шагом на пути улучшения координации...» [Diamond]. В то же время профессор Даймонд считает это действие лишь механизмом, облегчающим работу, а для руководства своей страны делает вывод: «Если политической воли (и умения) наверху для поддержания единой, продемократической внешней политики не хватает, никакая координация не сможет её произвести. Соединенным Штатам необходимо разработать политику продемократии (поистине внешнюю политику), которая бы имела последовательную поддержку всех ветвей внешней политики правительства и двухпартийную поддержку, которая могла бы быть поддержана любой администрацией».

Распространение демократии как фактор национальной безопасности США

Рассматривая угрозы национальной безопасности США, профессор Даймонд в работе «Содействие демократии в 90-е годы...» указывает на шесть «самых важных потенциальных угроз мировому порядку и национальной безопасности в ближайшие десятилетия <...>: враждебная экспансионистская Россия; враждебный экспансионистский Китай; распространение фундаменталистских исламских, антизападных режимов; распространение политического терроризма различного происхождения; резко возросшее иммиграционное давление; и этнические конфликты, которые могут перерасти в широкомасштабное насилие, гражданскую войну, потоки беженцев, распад государства и общую анархию».

Как видим, в 1995 г. Ларри Даймонд на первое место среди внешних угроз ставил Россию, хотя подавляющее большинство американского истеблишмента в эти годы пело дифирамбы первому президенту России Борису Ельцину и, чуть ли не по-ленински, указывало – «верной дорогой идёте...». Угрозу, исходящую от России, профессор Даймонд, по всей видимости, связывал с возможным возвратом к советским временам. Он указывал на то, что Россия стоит «на пороге захвата ультранационалистическими, антисемитскими, неоимпериалистическими силами, стремящимися к новой эре погромов, завоеваний и “величия”. Эти силы питаются слабостью демократических институтов, разобщённостью демократических сил и в целом угнетающим экономическим и политическим состоянием страны...» [Diamond]. В этой оценке состояния Российской Федерации образца 1995 г. просматривается сочетание объективного и субъективного, реального и домысленного. В 1995 г. демократические силы действительно были разобщены. Российский народ, в основной своей массе, жил трудно. Но громить евреев по этому поводу никто не собирался. А после кровавых событий в Москве в 1993 г. в стране уже была принята новая конституция, укрепившая власть президента, того самого Б.Н. Ельцина. Да и расстрелянный «Белый дом» уже был отремонтирован, и его передали для размещения правительства страны. Так что со своей оценкой состояния российской демократии Ларри Даймонд явно запоздал, а вот с зачислением России в список американских угроз под номером один явно преуспел.

При этом общеизвестно, что угрозы своей национальной безопасности США никогда не оставляют без внимания и борются с такими угрозами всеми доступными им способами, включая военные операции.

Доктор Джон А. Турес провёл достаточно специфическое исследование об американских военных операциях как факторе внешнего воздействия на сторонние государства с целью внедрения в них демократических институтов. По собственной оценке доктора Туреса, его исследование было направлено «на создание целостной картины военных операций Соединенных Штатов и их потенциала в качестве катализаторов демократизации» [Tures 2005: 107]. По мнению автора, предыдущие исследования не

достаточно проливали свет на внешние источники демократизации. Направления исследования доктора Туреса можно изложить по заключению, сделанному самим автором: «Анализ новых факторов позволяет сделать вывод о том, что политическая принадлежность президента США, одобрение президента, применение боевых действий, устранение целевого режима, а в некоторых случаях и продолжительность военной операции Соединенных Штатов, всё играет роль для смены правительства целевого государства после вмешательства» [Там же: 107]. Как видим из этого вывода, смена правительства – конечная цель демократизации. И понятно, если этой цели нельзя достичь мирным путём, то для США не является проблемой задействовать для решения задачи свои вооруженные силы. Остаётся открытым вопрос: всегда ли «целевое государство» и США стремятся к одному и тому же? И всегда ли Соединенные Штаты интересуют мнение того самого «целевого государства»?

Демократические преобразования в странах, подвергшихся американскому военному вмешательству

Эффективность применения вооружённых сил США для содействия «распространению демократии» исследовал доктор Джеймс Мирник, который в настоящее время является профессором политологии и директором Института мира имени Кастлберри (Castleberry) в университете Северного Техаса. Он исследовал влияние военного воздействия на степень демократизации государств, на которые была направлена военная сила США. Анализу подверглись военные конфликты за период с 1950-го по 1990-й г. Среди последних в этом перечне были: американское вторжение в Гренаду (1983), гражданская война в Никарагуа (1988), американское вторжение в Панаму (1989) и война в Персидском заливе (1990). Профессор Мирник своё исследование построил на сравнении набора показателей, определяющих уровень демократизации государства. Сравнялся в трёх вариантах год военного вторжения: с тремя годами до и тремя годами после года вторжения; только с тремя годами после вторжения; только с одним годом, следующим за годом вторжения. Усреднённые результаты привели к главному обобщающему выводу: «Наиболее распространённый исход американских военных вмешательств – отсутствие каких-либо изменений» [Meernik 1996: 395].

Однако доктор Мирник провёл ещё ряд дополнительных сравнений, рассмотрев случаи использования в конфликтах американских сухопутных войск, при этом вновь сделав акцент на последних конфликтах 1980-х – 1990-х гг. Кроме того, профессор заострил внимание на случаях заинтересованного деятельного участия в разрешении конфликтов президентов США. Также в сравнительном анализе были взяты события в тех государствах, потенциально стремящихся к демократии, где не было американского военного вмешательства.

Эти дополнительные исследования позволили сделать результирующие выводы, более оправдывающие американские военные вторжения (участие в военных конфликтах). В выводах он приводит два квалифицированных заключения: «Во-первых, когда мы сравниваем страны, которые испытали вмешательство, с теми, в которых этого не было, мы видим, что первая группа с большей вероятностью испытает возрастание демократии. Анализ вероятностей влияния военной интервенции на демократизацию в целом подтверждает концепцию, что по некоторым измерениям использование американских сухопутных сил ведёт к усилению демократизации. Во-вторых, мы также видим, что, когда Соединенные Штаты действительно демонстрируют приверженность продвижению демократии, о чём свидетельствуют президентские заявления, действие в большинстве случаев становится вполне успешным» [Там же: 400].

Видимо, профессор Мирник делал последний вывод на примерах президентов 1980-х – 1990-х гг.: Рональда Рейгана, Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона, которые по большей части неизменно пользовались большим авторитетом и доверием в международных делах. Вместе с тем Джеймс Мирник оставил практически открытым для дальнейших исследований вопрос о целях, которые преследовались американскими президентами при военных вмешательствах в дела других государств. По заключению профессора, о степени возрастания демократизации в результате американского военного воздействия «в случаях, когда президенты прибегают к оружию, чтобы навязать демократию, потому что они считают, что можно будет управлять международным миром или потому, что это связано с непосредственными интересами США по созданию более податливого режима, ещё предстоит разобраться» [Там же].

Другой учёный, Роберт Джеффри Арт, профессор международных отношений в Университете Брандейса и сотрудник Центра международных исследований Массачусетского технологического института, ещё в 1991 году пришёл к выводу, что американское военное силовое воздействие на другие государства в самой меньшей степени способствует становлению демократии. По его мнению, «демократии лучше всего создаются, скорее, путём застоя агрессивных государств; путём создания стабильных международных структур, способствующих экономическому развитию и появлению среднего класса внутри государств, и путём использования экономических и других рычагов воздействия для поощрения внутренней либерализации» [Art 1991: 42]. При этом профессор Арт предостерегает, что «цель распространения демократии по всему миру... может слишком легко обернуться лицензией на беспорядочные и бесконечные военные вмешательства США во внутренние дела других государств» [Там же].

Остаётся только догадываться в какой степени такая позиция учёного-международника влияет на реальную политику его страны, даже при том, что сам он является членом Совета по международным отношениям – некоммерческого мозгового центра США, созданного ещё в 1921 г.

Скорее, Соединенные Штаты следуют другому выводу. Выводу не просто учёного, профессора Стенфордского университета, но и политика, бывшего, без особого успеха, послом в Российской Федерации, – Майкла Макфола. Макфол считает что «Соединенные Штаты по-прежнему являются самым мощным актором в международной системе и, следовательно, имеют больше полномочий, чем любой другой государственный или негосударственный субъект содействовать или препятствовать демократическому развитию» [McFaul 2004–05: 159].

Оценивая процесс демократизации 1980-х – 1990-х гг., американские учёные находили его в целом эффективным, особенно в первой половине этого периода, и, несомненно, необходимым. Необходимым не столько для стран – получателей американского содействия в «распространении демократии», сколько для самих США, для их национальных интересов.

Библиографический список

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. 368 с.

Art R.J. A Defensible Defense: America's Grand Strategy After the Cold War // *International Security*. 1991. Vol. 15. № 4.

Basora A.A., Orenstein M. Countering Democratic Regression in Europe and Eurasia (September 6, 2012) // Сайт «FPRI: Foreign Policy Research Institute». URL:

<https://www.fpri.org/article/2012/09/countering-democratic-regression-in-europe-and-eurasia/>
(дата обращения: 20.05.2018)

Berman Sh. How Democracies Emerge: Lessons from Europe // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. № 1.

Diamond L.J. Promoting democracy in the 1990s: Actors and instruments, issues and imperatives: a report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. URL: https://www.carnegie.org/media/filer_public/96/2b/962b2e9f-5474-4494-ab81-dcadd02c18c6/ccny_report_1995_promoting.pdf (дата обращения: 22.11.2017)

McFaul M. Democracy Promotion as a World Value // *The Washington Quarterly*. Winter 2004–05. Vol. 28. № 1.

Meernik J. United States Military Intervention and the Promotion of Democracy // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. № 4.

Tures J.A. Operation Exporting Freedom: The Quest for Democratization via United States Military Operations // *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. Winter/Spring 2005. Vol. VI. № 1.